

СРЕДИ МУЗЫКАНТОВ

Наверное, высшая добродетель исполнителя — утверждать играемую им музыку, а не себя.

Альфред Шнитке

Дом на Студенческой

Мой добрейший отец всегда отдавал мне всё, даже если это всё было последним. Однажды он прочел в газете сообщение о намеченном строительстве в Москве, на Студенческой улице, жилого дома для композиторов. Напечатанное тут же обращение к желающим поселиться в этом доме гласило, что получить там квартиру можно будет лишь через некоторое время, а сейчас требовалось сдать государству свою московскую жилплощадь, чтобы расселить людей, живших в старых домах на том же месте.

В довоенном 1938 году наша семья, переезжая из Ленинграда в Москву, была обманута при квартирном обмене, и мы оказались с двумя отдельными комнатами в разных районах города. Одну из них, на Таганке, отец и передал строителям композиторского дома. Однако при его заселении организаторы оформили на мое имя лишь одну комнату в коммунальной квартире, зачем-то указав, что она предоставлена мне как лауреату недавно прошедшего Первого международного конкурса имени Чайковского. Кому досталась обещанная нам квартира, осталось тайной. Но, так или иначе, я с женой и сыном поселился на Студенческой.

На разных этажах, в разных подъездах этого большого дома разместились семьи композиторов. Многие перезнакомились, некоторые вскоре стали моими друзьями: Генрих Ильич Литинский и его жена Роза Давыдовна Ромм, Григорий Соломонович Зингер с семьей, Роман Семенович Леденев, Эдисон Васильевич Денисов, Борис Александрович Чайковский, Григорий Самуилович Фрид...

Мне очень много дало общение с этими замечательными музыкантами. Они принадлежали к разным поколениям и творческим направлениям, но все были яркими индивидуальностями,

профессионалами самого высокого уровня, работавшими с заразительной энергией.

Мы встречались не для того, чтобы вместе проводить время, пить чай или что-либо праздновать. Друзья приглашали меня к себе или приходили ко мне, чтобы показать свои сочинения, в том числе для скрипки. Мы обсуждали новости музыкальной жизни, делились мнениями и впечатлениями.

Я выучил глубоко выразительную Скрипичную сонату Бориса Чайковского, поднимался в соседнем подъезде в его квартиру и с наслаждением играл ее с автором — он был очень тонким пианистом. Мне и сейчас иногда хочется еще раз послушать запись этого сочинения, сделанную мною с Всеволодом Петрушанским на хельсинкском телевидении. Внутренний мир чистой и очень русской музыки сонаты близок Шостаковичу, но это Борис Чайковский — оригинальный и самобытный.

Приходил ко мне Эдисон Денисов. Скрипичные пьесы, которые он тогда показывал, совершенно не напоминали музыку, выходившую из-под его пера в последующие годы. Тем не менее и в этих пьесах, как и в его Фортепианном трио — раннем сочинении, где также много от Шостаковича, — уже видна индивидуальность Эдисона. Я дал ему несколько «скрипичных» советов, а он посвятил мне одну из этих пьес, Плясовую.

Виделся я и с Генрихом Ильичом Литинским — композитором, теоретиком, профессором Московской консерватории и Института имени Гнесиных. Студенты любовно прозвали его Рентгенрихом за особо ясное видение формы их работ и бескомпромиссные требования чистоты музыкального языка. До сих пор у меня в ушах звучат слова: «Топорная работа!» — его обычая оценка слабого сочинения молодого композитора, произносимая со специфическими ударениями на «о». Генрих Ильич показывал мне свои скрипичные произведения 1920-х годов. Его жена (а когда-то его ученица) Роза Давыдовна Ромм познакомила меня со своими «Тремя новеллами на еврейские темы», и я несколько раз сыграл их в концертах. К сожалению, в последующие годы мне не пришлось исполнять эти посвященные мне хорошие пьесы.